DOI: 10.25629/HC.2026.11.02
УДК: 394.2(470.11)
ВАК: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография

Туторский Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, tutorski@mail.ru

ОТ СЪЕЗЖЕГО ПРАЗДНИКА К ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ТРАДИЦИИ: ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАЗДНИКА «РУССКАЯ ЗИМА» В СЕЛЕ ВОЖГОРА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье на материалах села Вожгора (Лешуконский район Архангельской области) рассматриваются генезис и трансформация праздника «Русская зима», который проводится не позднее чем с 1971 г. в последнее воскресенье января – в день традиционного съезжего праздника «Святина». Цель исследования – выявить механизмы трансформации съезжего праздника в позднесоветскую форму и объяснить, каким образом эта форма, созданная в русле государственной политики новой социалистической обрядности, стала восприниматься местными жителями как «исконная» традиция. Источниковую базу составили полевые материалы автора 2010–2017 гг., фотографии Ю. А. Галева 1971 г., дневник одного из жителей села, публикации районной газеты и опубликованные воспоминания Н. А. Галева. Использованы историко-этнографический и сравнительно-исторический методы, анализ визуальных и нарративных источников. Показано, что «Русская зима» унаследовала от съезжего праздника календарную дату, место проведения и нелинейную («многоплощадочную») организацию, соединив при этом «официально-государственные» и «народно-карнавальные» элементы. Выявлены новации, которые жители воспринимают как традиционные: разделение участников на сцену и зрителей, фигура ведущего, «повязка» как «старинный» головной убор участниц хора. Установлено, что «возрождение старины» в 1970-е гг. происходило с одобрения государства, а сама праздничная форма к началу XXI в. стала маркером локальной идентичности: советский по происхождению праздник жители называют «нашим», тогда как Масленица, распространившаяся в 1990-е гг., воспринимается как чужая. Результаты могут быть использованы в исследованиях советской обрядности, изобретённых традиций и современной сельской праздничной культуры.

Ключевые слова

праздник, советская обрядность, съезжий праздник, Русский Север, изобретённая традиция, локальная идентичность, сельская культура, Архангельская область

Tutorskiy A.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, tutorski@mail.ru

FROM A PATRONAL FEAST TO A LATE SOVIET TRADITION: THE ORIGIN AND TRANSFORMATION OF THE "RUSSIAN WINTER" FESTIVAL IN THE VILLAGE OF VOZHGORA, ARKHANGELSK REGION

Abstract

Drawing on materials from the village of Vozhgora (Leshukonsky District, Arkhangelsk Region), the article examines the origin and transformation of the Russian Winter festival, held no later than 1971 on the last Sunday of January, the day of the traditional inter-village patronal feast known as Svyatina. The study aims to identify the mechanisms by which the patronal feast was transformed into a late Soviet festive form and to explain how this form, created within the state policy of new socialist rituals, came to be perceived by local residents as a "primordial" tradition. The sources include the author's field materials of 2010–2017, photographs taken by Yu. A. Galev in 1971, the diary of a local resident, publications in the district newspaper, and the published memoirs of N. A. Galev. Historical-ethnographic and comparative-historical methods, as well as analysis of visual and narrative sources, were applied. It is shown that Russian Winter inherited the calendar date, the venue and the non-linear ("multi-site") organization of the patronal feast, while combining "official" and "folk-carnival" elements. The study identifies innovations that residents perceive as traditional: the division into stage and audience, the figure of the host, and the povyazka headband as an "old-time" headdress of choir members. It is established that the "revival of antiquity" in the 1970s took place with state approval, and that by the early 21st century the festival had become a marker of local identity: residents call the Soviet-born festival "ours", whereas Maslenitsa, which spread in the 1990s, is perceived as alien. The findings can be used in research on Soviet rituals, invented traditions and contemporary rural festive culture.

Keywords

festival, Soviet rituals, patronal feast, Russian North, invented tradition, local identity, rural culture, Arkhangelsk Region

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что локальные формы позднесоветской обрядности изучены неравномерно. Общесоюзная политика создания новых праздников и обрядов хорошо описана на уровне нормативных документов, методических рекомендаций и крупных городских торжеств, тогда как её реализация в отдельных сельских сообществах остаётся малоизученной. Между тем именно на локальном уровне решался вопрос о том, будут ли новые праздничные сценарии отторгнуты или присвоены населением. Механизмы превращения советских праздничных сценариев в местные традиции, воспринимаемые как исконные, требуют специальных микроисторических исследований.

Степень научной разработанности темы. Литература, значимая для темы, группируется вокруг нескольких проблемных узлов. Первый – съезжие (престольные) праздники Русского Севера и их роль в социальной жизни деревни: календарно-праздничная и игровая культура севернорусского крестьянства XIX–XX вв. реконструирована, в частности, И. А. Морозовым и И. С. Слепцовой (2004). Второй – советская обрядность как элемент государственной политики. Ритуальная система советского общества рассмотрена К. Лейн (Lane, 1981) и В. В. Глебкиным

(1998), массовые праздники первых послереволюционных десятилетий – М. Рольфом (2009), кампания по внедрению новых обрядов 1960–1970-х гг. в контексте атеистической политики – В. Смолкиным (Smolkin, 2018). Позицию самих советских этнографов, участвовавших в разработке новой обрядности, отражает статья И. А. Крывелева (1977). Третий узел – локальная реализация позднесоветской культурной политики в деревне; здесь выделяются исследования конструирования «новых» сельских праздников (Коляскина, 2023). Четвёртый – присвоение и сценизация традиции. Концепция «изобретённой традиции» (Hobsbawm & Ranger, 1983) позволяет анализировать практики, претендующие на преемственность с прошлым. Перенесение фольклорных форм на сцену в советском и постсоветском фольклорном движении исследовано Л. Олсон (Olson, 2004). Сценарии постсоветских сельских праздников Архангельской области, в том числе Лешуконского района, проанализированы А. А. Поспеловой (2022).

Дискуссионным остаётся вопрос о соотношении «сверху» навязанного и «снизу» присвоенного в позднесоветской обрядности: в работах о государственной политике сельское население выступает преимущественно объектом воздействия, а вопрос о том, как оно перерабатывало новые сценарии в соответствии с прежней праздничной структурой, остаётся в тени. Настоящая статья обращается к этому вопросу на материале одного сельского праздника, прослеживаемого с конца XIX до начала XXI в.

Исследовательский вопрос статьи формулируется следующим образом: каким образом позднесоветская праздничная форма, созданная в рамках государственной культурной политики, была локально присвоена и переосмыслена как традиционная?

Объектом исследования является праздничная культура севернорусской деревни второй половины XX – начала XXI в. *Предметом* выступают механизмы преемственности, трансформации и локальной легитимации праздника «Русская зима» в селе Вожгора.

Цель статьи – выявить механизмы трансформации съезжего праздника «Святина» в позднесоветскую форму праздника «Русская зима» и объяснить, каким образом эта форма стала восприниматься жителями как локальная традиция.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: 1) охарактеризовать функции съезжего праздника «Святина» в социальной жизни округи и выделить его структурные элементы; 2) рассмотреть политику новой социалистической обрядности 1960–1970-х гг. и каналы её проникновения в деревню; 3) реконструировать структуру праздника «Русская зима» и определить, какие его элементы унаследованы от съезжего праздника, а какие являются новациями; 4) проанализировать восприятие праздника жителями села в начале XXI в.

Исследовательское предположение – позднесоветский праздник закрепился в локальной культуре потому, что унаследовал от съезжего праздника его календарное время, место и нелинейную организацию, а новации, введённые клубными работниками, были оформлены как «возрождение старины» и поэтому стали восприниматься как часть традиции.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе вводимых в научный оборот визуальных, дневниковых и полевых источников реконструирована история праздника «Русская зима» в Вожгоре и показано, как позднесоветский праздник, созданный в рамках новой социалистической обрядности, встраивается в более старую календарную и социальную структуру съезжего праздника и начинает восприниматься как исконная местная традиция. Выявлен конкретный механизм такой легитимации – сочетание унаследованной праздничной структуры с новациями, оформленными как «возрождение старины».

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в исследованиях культурной политики, в деятельности музеев и учреждений культуры Архангельской области, в краеведческой работе, при разработке программ сохранения нематериального культурного наследия, а также в преподавании курсов по этнологии и истории повседневности.

ISSN 2074-2029
https://humancapital.su/

Материалы и методы исследования

Источниковую базу исследования составили пять групп материалов.

Полевые материалы автора (ПМА) собраны в ходе экспедиционных выездов в село Вожгора Лешуконского района Архангельской области в 2010, 2016 и 2017 гг. Они включают записи включённого наблюдения за праздником «Русская зима», фотографии автора и записи бесед с жителями села.

Дневник жителя Вожгоры охватывает 1972–2000 гг. и содержит ежегодные записи о праздниках села. Дневник представляет собой источник личного происхождения, фиксирующий праздник «изнутри» сообщества.

Фотографии Ю. А. Галева – серия снимков праздника, сделанных жителем Вожгоры Ю. А. Галевым в январе 1971 г. Датировка установлена по надписям на коробке с фотоплёнкой («Января 1971 Русская зима») и на коробке с архивом («1971»). Фотоархив хранился в доме Ю. А. Галева в Вожгоре; в июле 2012 г. его передал в АНО «Пропповский центр» А. Любченко, племянник фотографа. Архив оцифрован по заказу центра и доступен в электронном архиве «Российская повседневность», где праздник обозначен как «Проводы Русской зимы» (Галев, 1971). Фотографии позволяют реконструировать пространство праздника, костюм участников и официальную символику.

Публикации районной газеты – письмо учительницы Н. Корельской 1976 г. (Корельская, 1976) и статья Н. А. Галева «Вожгорская церковь» (Галев, 1991), содержащая воспоминания о престольных и церковных праздниках.

Справочные и церковные издания XIX в. – словарь А. Подвысоцкого (1885) и «Архангельские епархиальные ведомости», используемые для характеристики дореволюционной традиции.

Источники разного происхождения взаимно проверяют друг друга: датировка праздника устанавливается по сочетанию фотографий и дневника, его пространственная организация – по фотографиям и полевым наблюдениям, восприятие праздника – по полевым материалам и газетным публикациям.

В работе применены историко-этнографический метод, позволяющий рассматривать праздник в его историческом развитии и локальном контексте; сравнительно-исторический анализ, с помощью которого сопоставляются состояния праздника в конце XIX в., в 1971 г. и в 2010-е гг.; структурно-функциональное описание праздника, выделяющее его элементы (время, место, площадки, участники, костюм, символика) и их функции; анализ визуальных источников и интерпретация полевых материалов. Сочетание этих методов позволяет проследить, какие элементы праздничной структуры сохранялись при смене идеологических рамок, а какие появлялись заново.

Понятийный аппарат. Под *новой (социалистической) обрядностью* понимается совокупность праздников и обрядов, целенаправленно разрабатывавшихся и внедрявшихся советскими государственными и общественными институтами (Lane, 1981; Smolkin, 2018). Понятие *изобретённой традиции* используется в смысле Э. Хобсбаума как совокупность практик, которые посредством повторения утверждают определённые ценности и нормы и подразумевают преемственность с прошлым (Hobsbawm & Ranger, 1983). Выражение «возрождённая традиция» в статье не используется как аналитический термин: слово «возрождение» принадлежит языку самих источников и участников событий и поэтому приводится в кавычках. Оппозиция *официального и карнавального* восходит к М. М. Бахтину (1965): под официальными понимаются элементы, выражающие государственно-идеологическую рамку праздника, под народно-карнавальными – формы, предполагающие всеобщее участие без разделения на исполнителей и зрителей. *Сценизацией* называется перенесение фольклорной формы на сцену с разделением участников на исполнителей и зрителей (Olson, 2004).

Результаты исследования и их обсуждение

Съезжий праздник «Святина» в организации жизни округи

Многочисленные работы показывают, что и каким образом делалось на праздниках северной деревни (Морозов & Слепцова, 2004), поэтому нет необходимости характеризовать всю праздничную систему Русского Севера. Однако есть смысл остановиться на съезжих праздниках, в особенности на их роли в организации социальной и экономической жизни села.

Съезжие, или престольные, праздники – особые дни, когда жители соседних деревень съезжались в одну, определённую традицией деревню; отсюда и название «съезжий». Как правило, эти праздники были приурочены к дням почитания святых или событий, в честь которых была освящена местная церковь, точнее её основная алтарная часть – престол, в отличие от многочисленных приделов, которые могли быть посвящены другим святым или праздникам.

Большая часть времени сельского жителя занята трудом. Трудовая деятельность чаще всего связана с местностью вне деревни: лесными делянками, охотничьими или рыболовными угодьями, полями и пожнями (сенокосными лугами). Работа ведётся либо в одиночку, либо небольшим коллективом: на рыбную ловлю едут небольшой артелью, на покос и другие полевые работы выходят звеньями, на лесозаготовки – небольшими бригадами. Собрание больших групп людей – прерогатива деревенского пространства и особых «нерабочих», то есть «праздных», или «праздничных», дней.

Вожгорский съезжий праздник традиционно назывался «Святина́» и проводился в последнее воскресенье января. Название не вполне обычно для христианского, в том числе народного, календаря. Часто этим словом обозначали праздник в честь освящения храма (Подвысоцкий, 1885, с. 155; Освящение церкви в селе Звозе, 1894, с. 534). Вожгорская Воскресенская церковь была построена в 1866 г. и освящена 22 января 1867 г. «благочинным койнасским священником Федором Ануфриевым, совместно с другим койнасским священником Василием Шульгиным и священником Пысского прихода Герасимом Синцовым». Название «Святина» использовалось в советское время и активно используется в начале XXI в. Наиболее раннее свидетельство его бытования содержится в статье Н. А. Галева «Вожгорская церковь» (Галев, 1991, с. 3).

В ближайших к Вожгоре деревнях съезжие праздники приходились на другие дни: «В Лебском отмечали Петров день (там была с давних времен часовня в честь святых апостолов Петра и Павла), в Родоме – праздник пресвятой Богородицы, в Кыссе – Троицу, в Койнасе – Крещение. Это были веселые съезжие праздники. Съезжались родственники – дочери, вышедшие [замуж. – *А. Т.*] в другие деревни, их дети, приезжали братья, молодежь разных деревень знакомилась между собой, парни выбирали себе невест, а потом справляли свадьбы. Водили хороводы, гостились» (Галев, 1991, с. 3).

Система съезжих праздников помогала округе действовать согласованно. Каждая деревня имела свой, определённый традицией день, в который все ехали именно в неё. Этот распорядок осмыслялся как обязательный «порядок». Престольные дни воплощали народный христианский календарь. С одной стороны, последовательность праздников определялась логикой их чередования и взаимодополняемости. С другой стороны, дни, в которые могли «не работать» все жители округи, были предопределены установленными православной церковью днями поминовения святых. Например, практически невозможно представить, чтобы съезжий праздник приходился на среду или четверг: как правило, это были воскресные дни или двунадесятые праздники. Скорее всего, с этим связано не вполне «традиционное» для христианского календаря положение праздника «Святина». Согласно устным рассказам и воспоминаниям Н. А. Галева, «Святина» праздновалась и в советское время.

Для дальнейшего анализа существенно выделить структурные элементы съезжего праздника, которые могли быть унаследованы позднейшими праздничными формами: 1) фиксированное календарное время, не совпадающее с праздниками соседних деревень; 2) место, свя-

занное с храмом; 3) принцип одновременного сбора всей общины и гостей из округи; 4) сочетание публичного гулянья (хороводы, молодёжные игры) и домашнего гостевания. Именно эти элементы, как будет показано ниже, обнаруживаются в структуре «Русской зимы».

Политика новой социалистической обрядности

Мы исходим из тезиса Ш. Фицпатрик о том, что отход от новой обрядности 1920-х гг. был связан со сменой курса власти в 1930-е гг.: ориентация на агитацию за «новый быт» и «новую культуру» осталась в прошлом, на смену ей пришло прямое принуждение к соблюдению новых форм праздников (Фицпатрик, 2001). Можно предположить, что в отдалённых деревнях это означало молчаливое признание сложившихся праздничных практик: возможности центральной власти организовать праздничную жизнь деревни по-новому были ограничены, а колхозное крестьянство в официальной идеологии рассматривалось как социальная группа, сохраняющая пережитки прошлого, что делало сохранение старых обычаев в известной мере ожидаемым.

В годы хрущёвской оттепели жёсткое принуждение ослабло, а часть колхозов была преобразована в совхозы, и колхозники становились «рабочими совхозов». Можно предположить, что с идеологической точки зрения терпимость к старым обрядам среди «рабочих» была менее допустима; во всяком случае, с конца 1950-х гг. внедрение новых обрядов становится частью антирелигиозной политики (Smolkin, 2018). Кроме того, в послевоенные годы этнографы отметили возврат к традиционным формам обрядности, пришедший на смену широко распространявшимся в 1920–1930-е гг. «красным свадьбам», «красным крестинам» и другим новым обрядам. В середине 1970-х гг. в подразделениях Министерства культуры СССР был разработан ряд «сценарно-методологических рекомендаций» к проведению обрядов (Крывелев, 1977, с. 39). Важным аспектом этой деятельности было создание новых форм обрядности, имеющих национальную специфику каждого отдельного народа.

Историк-религиовед И. А. Крывелев выступил с докладом о новой советской обрядности на Всесоюзной конференции по вопросам этнографического изучения современности (Москва, апрель 1977 г.); позднее доклад был опубликован в журнале «Советская этнография». Автор выделил новые общенародные обряды, которые «связаны прежде всего с общественно-политическими праздниками – Первое Мая, День Победы, День Конституции, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Общенародным является и празднование Нового года» (Крывелев, 1977, с. 37–38).

Вместе с тем в новые общественные праздники вводились элементы, не имевшие этнической специфики. В итоге к концу 1980-х гг. «из традиционных черт… обрядности можно отметить лишь национальные костюмы на участниках художественной самодеятельности, использование национальной музыки, песен, танцев, поэзии, орнаментации…». Аналогичные процессы конструирования «новых» сельских праздников с опорой на традиционную обрядность прослеживаются и в других регионах (Коляскина, 2023).

Общесоюзная политика достигала деревни не напрямую, а через районную сеть учреждений культуры: сельский клуб, его работников, смотры художественной самодеятельности и районную газету. Именно эти каналы прослеживаются по вожгорским источникам. Праздник проводился у Дома культуры и силами клубных работников; хор участвовал в районных смотрах самодеятельности; районная газета публиковала оценки этих выступлений (Корельская, 1976). Поэтому локальный праздник следует рассматривать не как механическую проекцию общесоюзной рамки, а как результат её переработки местными исполнителями – клубными работниками, участницами хора, учителями.

Праздник «Русская зима»: структура и участники

Имеющиеся источники – записи в дневнике жителя Вожгоры и фотографии Ю. А. Галева – достоверно фиксируют проведение праздника не позднее 1971 г.: съёмка датирована январём 1971 г. надписью на коробке с фотоплёнкой (Галев, 1971). Время его проведения совпадало со

ISSN 2074-2029
https://humancapital.su/

временем «Святины» – последнее воскресенье января. Вплоть до середины 1980-х гг. не менялось и место проведения: свободное пространство вокруг старого Дома культуры – бывшей церкви села Вожгора.

Фотографии и полевые опросы начала XXI в. позволяют восстановить ключевые особенности праздника. Первая из них состоит в том, что он сохранил нелинейную организацию: в одно и то же время в нескольких местах происходили различные действия. Праздник открывался сценкой на улице, после чего участники расходились по разным площадкам и занимались разными делами.

Одним из наиболее зрелищных элементов праздника и в 1971, и в 2010 г. было катание на тройке. В 1971 г. тройка была украшена разноцветными лентами; на дуге коренной лошади на одной из фотографий виден, судя по всему, вышитый рушник. Катание на тройке в дневное время было прерогативой детей младшего и среднего школьного возраста (Галев, 1971).

Другой площадкой был облитый водой столб, на который должны были забраться молодые люди, чтобы получить прикреплённый наверху приз. Эта забава была ориентирована прежде всего на старших школьников и молодых мужчин, недавно вернувшихся из армии: в 2017 г. победителем стал ученик 10-го класса, а в 2010 г. – молодой человек, только что вернувшийся из армии (ПМА, 2010, 2017).

Ещё одной площадкой было выступление народного хора и работников Дома культуры в его помещении. Такие «концерты» могли включать народные песни, сценки с участием Петрушки и Зимы, Деда Мороза и Снегурочки, а также сценки на современные темы (ПМА, 2010). Иногда проводилась «инсценировка старинного свадебного обряда» с исполнением основных свадебных песен (Корельская, 1976, с. 4).

Кроме того, насколько можно судить по фотографиям 1971 г. и полевым данным, многие жители отмечали праздник дома, за столом. Дневник позволяет заключить, что важную роль в праздновании играли «компании» – устойчивые группы близких знакомых, регулярно собиравшиеся на главные праздники села. Тем самым сохранялся и второй компонент съезжего праздника – домашнее гостевание.

Вторая черта, характерная именно для позднесоветского праздника, – совмещение «официально-государственных» и «народно-карнавальных» (Бахтин, 1965) элементов. На фотографиях 1971 г. видно, что над крыльцом Дома культуры, под его вывеской, укреплён лозунг «XXIV съезду КПСС – достойную встречу!» (рис. 1). Съезд открылся 30 марта 1971 г., и праздник, проходивший в конце января, оказался включён в официальную кампанию подготовки к нему. К официальным элементам праздника можно отнести также школьные экскурсии к памятнику погибшим в Гражданскую войну в 1919 г.: в подробном фотоотчёте Ю. А. Галева видно, как расчищается снег вокруг памятника и как около него фотографируются школьники. К однозначно «народно-карнавальным» элементам относятся катание на тройке и состязания по залезанию на столб.

Рисунок 1 – Праздник «Русская зима» у Дома культуры с. Вожгора, январь 1971 г.
Фото Ю. А. Галева (Галев, 1971)

Труднее оценить состязания, проводимые работниками клуба, и выступление народного хора. С одной стороны, состязания имеют выраженно народный характер. Например, в 2010 г. мы присутствовали на конкурсе «Прокати сударушку»: девушка садилась в санки, а молодой человек вёз её, стараясь как можно быстрее пройти импровизированный маршрут, обогнуть организатора конкурса и вернуться к старту (ПМА, 2010). С другой стороны, деление на «участников конкурса» и «организаторов конкурса» – очевидное нововведение в сельской праздничной культуре.

Деление на «сцену» и «зрителей» характерно и для выступлений хора и других сценических номеров. Для сравнения полезно обратиться к современному домашнему застолью, куда этот элемент также постепенно проникает. За столом появляется человек, берущий на себя функции организатора. Однако он не исключается из числа участников: над ним подшучивают, его призывают соблюдать порядок в употреблении алкоголя. Время от времени он «отпускает бразды правления» и становится одним из сидящих за столом, а затем снова берёт слово. Иначе говоря, в застолье роль организатора остаётся временной и обратимой.

На празднике «Русская зима» граница между сценой и залом также проницаема. «Незримой стены» между зрителями и актёрами нет: зрители подбадривают актёров выкриками или вступают с ними в словесные перепалки (ПМА, 2010).

Вместе с тем в клубе эта граница гораздо более осязаема и формализована, чем в застолье. Во-первых, в клубе есть сама сцена, приподнятая над залом. Во-вторых, для сцены характерна особая одежда: участниц народного хора даже на уличных фотографиях выделяют сарафаны и яркие платки. В 1971 г. отличия «сценического костюма» от обычного праздничного были невелики: многие девушки на фотографиях носят платки. В 2010 г. платки остались исключительно сценической одеждой. Чтобы вернуться к статусу рядового участника, исполнителю необходимо сменить одежду.

Из сопоставления следует, что сценизация праздника усиливалась со временем: граница между исполнителями и зрителями, в 1971 г. ещё слабо выраженная в костюме, к 2010-м гг. закрепилась в особой сценической одежде. Это новый для сельской праздничной культуры элемент, не имеющий соответствия в структуре съезжего праздника.

Выявленные элементы праздника сведены в таблицу 1.

Таблица 1 – Элементы праздника «Русская зима» в Вожгоре (составлено автором)

Группа элементов	**Элементы праздника**	**Источники**
Унаследованные от съезжего праздника «Святина»	Дата (последнее воскресенье января); место (пространство у бывшей церкви – Дома культуры); нелинейная («многоплощадочная») организация; домашние застолья «компаний»	Фото 1971 г.; дневник; ПМА 2010–2017 гг.
Народно-карнавальные	Катание на тройке; залезание на облитый водой столб; конкурсы («Прокати сударушку»)	Фото 1971 г.; ПМА 2010, 2017 гг.
Официально-государственные	Лозунг «XXIV съезду КПСС – достойную встречу!»; школьные экскурсии к памятнику погибшим в 1919 г.	Фото 1971 г.
Новации, воспринимаемые как традиционные	Разделение на сцену и зрителей; ведущие и организаторы конкурсов; сценический костюм хора, «повязка»; инсценировка «старинного» свадебного обряда	Фото 1971 г.; Корельская (1976); ПМА 2010 г.

Примечание. ПМА – полевые материалы автора; фото 1971 г. – фотографии Ю. А. Галева (Галев, 1971).

«Старина» как альтернативная культура: восприятие праздника жителями

Таким образом, вожгорский праздник отличают две черты: многолинейность и деление (не всегда жёсткое) на «официальное» и «традиционное». При этом сами жители воспринимают праздник как неизменный. Один из вожгорских собеседников автора сказал так: «Мы всегда отмечали "Русскую зиму", потом ее "Святиной" стали называть. Всегда – последнее воскресенье января у нас праздник. А сейчас Масленицу зачем-то справляют, это уже не наше» (ПМА, 2016).

Подобная оценка встречается у многих жителей деревни. Показательно, что «нашим» и «традиционным» праздником считается праздник советский по происхождению, сценарий которого сложился на рубеже 1960–1970-х гг., тогда как более древняя Масленица воспринимается как навязанная, поскольку жители деревни узнали о ней лишь в 1990-е гг. Примечательно, что в уже упоминавшейся статье Н. А. Галева о вожгорской церкви приводятся воспоминания о церковных праздниках, каждый из которых связан с определённым действием: «ходили со Звездой славить в Рождество, ходили к "ердану" (искаженное Иордан) в Крещение, звонили в Пасху» (Галев, 1991, с. 3). Полевые наблюдения позволяют добавить, что на Благовещение «прыгали»: на круглый обрубок бревна плашмя клали доску, на оба конца которой вставали дети; каждый подпрыгивал в свою очередь и, опускаясь на доску, подбрасывал другого. Однако о Масленице ничего подобного никто не рассказывал.

Важно отметить, что дискурс о необходимости сохранения традиций возникает параллельно с внедрением новой социалистической обрядности. В письме в редакцию районной газеты «Звезда» школьная учительница Н. Корельская пишет: «Вот на последнем смотре самодеятельности у нас в Вожгоре хорошо выступили лебские певицы [Лебское – одна из соседних деревень. – *А. Т.*] в старинных нарядах, несколько старинных песен исполнили. За ними все мы ждали и наш вожгорский народный хор, так как знали, что певицы наши готовились, шили старинные платья, повязки мастерили. Но они так и не дождались от клубных работников внимания, – поэтому и не выступали. Посмотрели мы сценку – неплохая сценка, только подготовлена была наспех. И смотром зрители недовольны» (Корельская, 1976, с. 4).

В этом письме обращают на себя внимание две детали. Во-первых, выражение «шили старинные платья», естественное для местных жителей, но непривычное для этнографа, показывает отношение к «старине» не как к былому, а как к альтернативной культуре: «старинные» платья можно шить и сейчас. Эта деталь представляется показательной для понимания механизма легитимации: «старина» мыслится не как утраченное прошлое, а как ресурс, доступный для воспроизводства. Во-вторых, хор состоял преимущественно из замужних женщин, которые по местной традиции носили на улице особым образом повязанный платок – «кустышки». «Повязка» же – головной убор девушек. Таким образом, параллельно со «старинными платьями» изготавливались и не вполне характерные для культуры первой половины XX в. головные уборы. Сейчас все женщины вожгорского хора выступают в повязках; кустышки повязывают, как правило, те, кто по каким-то причинам не принёс повязку на концерт.

В терминах, принятых в статье, перед нами изобретённая традиция (Hobsbawm & Ranger, 1983), которая в языке самих участников описывалась как «возрождение». Эта характеристика не умаляет её ценности: напротив, она позволяет увидеть механизм, посредством которого новая форма приобретает статус традиционной. Существенно, что публикация письма в районной газете, где на протяжении 1940–1960-х гг. печатались главным образом сводки с лесосплава и результаты соревнований колхозов, показывает: «возрождение» происходило с одобрения государства, и об этом можно было говорить публично. Именно в эти годы и в этих условиях сформировалась новая праздничная традиция, которую жители деревни воспринимают как «исконную» и «нашу». Сходные механизмы – типовой сценарий, заимствование текстов из газет, устойчивый эмоциональный канон – выявлены и в постсоветских праздниках Дня деревни в Лешуконском районе (Поспелова, 2022).

К ограничениям исследования относятся фрагментарность визуальных источников, представленных фотографиями отдельных лет, опора на один дневник и отсутствие привлечённых документов районного отдела культуры, которые позволили бы уточнить роль клубных работников в разработке сценария праздника.

Заключение

Проведённое исследование позволяет ответить на поставленный вопрос о том, каким образом позднесоветская праздничная форма была локально присвоена и переосмыслена как традиционная. На материале села Вожгора установлено следующее.

1. Праздник «Русская зима», проводимый не позднее чем с 1971 г., унаследовал от съезжего праздника «Святина» четыре структурных элемента: календарное время (последнее воскресенье января), место, связанное с бывшим храмом, принцип одновременного сбора всей общины и сочетание публичного гулянья с домашним гостеванием «компаний». Это подтверждается совпадением данных фотографий 1971 г., дневника жителя села и полевых наблюдений 2010-х гг.

2. Общесоюзная политика новой социалистической обрядности реализовывалась в деревне через сельский клуб, смотры художественной самодеятельности и районную газету. В результате в празднике соединились «официально-государственные» элементы (лозунг к XXIV съезду КПСС, экскурсии к памятнику) и «народно-карнавальные» (катание на тройке, залезание на столб, конкурсы), причём первые не вытеснили вторые.

3. Новациями позднесоветского праздника являются сценизация (разделение на исполнителей и зрителей, особый сценический костюм), фигура ведущего и организатора конкурсов, «повязка» как головной убор всех участниц хора. Сравнение 1971 г. и 2010-х гг. показывает, что граница между сценой и зрителями со временем закреплялась.

4. Механизм легитимации новаций состоял в их оформлении как «возрождения старины», которое происходило с одобрения государства и публично обсуждалось в районной печати. Отношение к «старине» как к ресурсу, доступному для воспроизводства, позволило новым элементам стать частью традиции. К началу XXI в. праздник стал маркером локальной идентичности: жители называют его «нашим», противопоставляя распространившейся в 1990-е гг. Масленице.

Полученные результаты уточняют представление о позднесоветской обрядности как о преимущественно навязанной «сверху»: на вожгорском материале видно, что новая праздничная форма закрепилась тогда, когда была встроена в сохранявшуюся структуру съезжего праздника и присвоена местными исполнителями.

Перспективным направлением дальнейшего исследования является привлечение архивных документов районных учреждений культуры, сопоставление вожгорского материала с праздниками соседних сёл Лешуконского района и изучение трансформации праздника в постсоветский период.

Источники

Дневник жителя с. Вожгора, 1972–2000 гг. Архив автора статьи.

ПМА – полевые материалы автора, собранные в с. Вожгора Лешуконского района Архангельской области в 2010, 2016 и 2017 гг.: дневники наблюдений, фотографии, записи бесед с жителями. Архив автора статьи.

Галев, Ю. А. (1971, январь). Проводы Русской зимы, с. Вожгора Лешуконского района Архангельской области [Фотографии; файл DPh14_Arch_Lesh_GalevYuA_1971_188_02.png]. Фотоархив Ю. А. Галева, АНО «Пропповский центр». Российская повседневность [Электронный архив]. https://daytodaydata.ru/unit/12413021

Библиография

Бахтин, М. М. (1965). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.* Художественная литература.

Галев, Н. А. (1991, 26 января). Вожгорская церковь. *Звезда (Лешуконское), (12(7093))*, 3–4.

Глебкин, В. В. (1998). *Ритуал в советской культуре*. Янус-К.

Коляскина, Е. А. (2023). Праздники Борозды и Русской березки в селах Алтайского края в 1950-х – 1980-х гг.: Конструирование «новых» обрядов и опоры памяти. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, (4)*, 54–62. https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-4/54-62

Корельская, Н. (1976, 24 февраля). Беречь таланты. *Звезда (Лешуконское)*, *(24(4794))*, 4.

Крывелев, И. А. (1977). Современные обряды и роль этнографической науки в их изучении, формировании и внедрении. *Советская этнография, (5)*, 36–45.

Морозов, И. А., & Слепцова, И. С. (2004). *Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.).* Индрик.

Освящение церкви в селе Звозе. (1894). *Архангельские епархиальные ведомости, (19),* 534.

Подвысоцкий, А. (1885). *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении.* Типография Императорской академии наук.

Поспелова, А. А. (2022). Эмоциональный канон праздника в постсоветской деревне. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология», (4, ч. 2),* 216–235. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-216-235

Рольф, М. (2009). *Советские массовые праздники*. РОССПЭН.

Фицпатрик, Ш. (2001). *Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: Деревня.* РОССПЭН.

Hobsbawm, E., & Ranger, T. (Eds.). (1983). *The invention of tradition.* Cambridge University Press.

Lane, C. (1981). *The rites of rulers: Ritual in industrial society – the Soviet case.* Cambridge University Press.

Olson, L. J. (2004). *Performing Russia: Folk revival and Russian identity.* RoutledgeCurzon.

Smolkin, V. (2018). *A sacred space is never empty: A history of Soviet atheism.* Princeton University Press.

Поступила в редакцию: 09.11.26 Принята к публикации: 20.11.26